

ДОН НИГРО

ГЕНРИ И

ЭЛЛЕН

Дон Нигро Генри и Эллен

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48800048*

Генри и Эллен:

Аннотация

Дон Нигро «Генри и Эллен/Henri and Ellen». 2 актера (1 женская и 1 мужская роли). О великих английских актерах Генри Ирвинге и Эллен Терри. Ох, нечасто такие пьесы попадают. Уровень «Милого лжеца», но без писем. Даме лет пятьдесят (указание автора), джентльмен постарше. Главное условие – актеры должны быть из разряда народных/заслуженных: уметь держать зал и владеть всеми навыками актерского мастерства. Роли того требуют. Комедия, драма, трагедия в одном флаконе. Театр, однако.

Содержание

Действующие лица	4
Место действия	5
Действие первое	6
Картина 1	6
Картина 2	14
Картина 3	23
Картина 4	29
Картина 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дон Нигро

Генри и Эллен

Действующие лица

ЭЛЛЕН ТЕРРИ¹ – актриса

ГЕНРИ ИРВИНГ² – актер

¹ Дама Эллен Тёрри /Alice Ellen Terry (1847-1928) – английская театральная актриса, знаменитая исполнительница женских ролей в пьесах Шекспира.

² Сэр Генри Ирвинг/Henry Irving (1838-1905) – английский трагик, талантливый исполнитель всех значимых драматических ролей в пьесах Шекспира.

Место действия

Сцена театра лондонского «Лицеум», которая по ходу пьесы становится апартаментами миссис Терри, старым мостом Ватерлоо и закулисем, но при этом не претерпевает изменений. По сцене расставлены сундуки, мебель, бутафория и элементы декораций, которые при необходимости становятся тем или иным местом. Пьеса начинается на исходе девятнадцатого столетия, потом действие смещается лет на двадцать или около того в прошлое и начинает медленно продвигаться обратно, но попытки персонажей точно определить год, когда все происходит, вероятно, начнут вызывать раздражение. Генри и Элен становятся моложе, а потом старше по ходу пьесы, но это должно, по большей части, проявляться игрой актеров. Не должно быть затемнений между сценами или пауз. Эта плавность движения очень важна. Продвижение от начала к завершению пьесы – неотъемлемый элемент пьесы.

Действие первое

Картина 1

(Свет, достаточно тусклый, зажигается на сцене лондонского театра «Лицеум», в самом конце девятнадцатого столетия. Тут и там сундуки, элементы бутафории, отдельные костюмы. Открывается и закрывается дверь, шаги, из теней в глубине сцены появляется Элен, всматривается в сумрак авансцены).

ЭЛЛЕН. Генри? Эй? Есть кто дома? *(Выходит на тускло освещенную авансцену, красивая женщина лет пятидесяти. Потом она станет моложе. Одеята просто, стряхивает снег с плеч. Останавливается и всматривается в темноту зрительного зала).* Пустые театры. Есть что-то особенное в пустом театре. Вызывающее суеверное благоговение. Как церковь. *(Выходит на середину, и декламирует в темноту зала, воображаемой и невидимой аудитории).*

Не допускаю я преград слиянью
Двух верных душ! Любовь не есть любовь,
Когда она при каждом колебанье

То убывает, то приходит вновь...³

ГЕНРИ (*говорит из теней на сцене, где он все время и находился, невидимый, среди сундуков и прочего*). Исчезает.

ЭЛЛЕН. Что, что?

ГЕНРИ. Исчезает. Не убывает. То исчезает, то приходит вновь.

ЭЛЛЕН. Я это знала.

ГЕНРИ. Если знала, почему не сказала?

ЭЛЛЕН. Потому что не сомневалась, что ты выдашь себя. Никогда не можешь устоять перед искушением поправить мою реплику.

ГЕНРИ. Ты путаешь слова этого сонета уже лет двадцать, как минимум. Но делаешь это прекрасно. Тебе удалось превратить неправильное цитирование в форму искусства.

ЭЛЛЕН. Ты сидел в тени все это время, когда я бродила по театру и звала тебя? Почему ты не отзывался?

ГЕНРИ. Я отозвался. Сказал – исчезает. В сонете «исчезает». Не «убывает». Исчезает.

ЭЛЛЕН. Но почему ты ничего не сказал до того, как я выставляла себя на посмешище, декламируя Шекспира, да еще с ошибкой, пустому залу?

ГЕНРИ. Не пустому. Здесь был я. Знал, что слышать собственный голос – для тебя наслаждение, и мне хотелось посмотреть, сумеешь ли ты произнести три последовательные

³ 116-й сонет Шекспира в переводе Модеста Ильича Чайковского (1850-1916)

строки без импровизации.

ЭЛЛЕН. Генри, не очень это красиво.

ГЕНРИ. Как раз наоборот. Или ты думаешь, что я сидел бы здесь и слушал кого-то еще?

ЭЛЛЕН. Не знаю. Стал бы кто-нибудь еще декламировать в пустоту сонеты с перепутанными словами?

ГЕНРИ. Дорогая моя, за всю историю не было случая, чтобы актер отказался от шанса обрушиться пятистопным ямбом на темноту пустого зала. С начала времен.

ЭЛЛЕН. Ты говоришь так, словно там был.

ГЕНРИ. Вероятно, был. Гастролировал с какой-нибудь адаптацией богомерзкого Диккенса по Шотландии. Бог создает Адаму и Еву и в тот же вечер Генри Ирвинг открывает турне «Мартином Чезлвитом». Отклики, естественно, противоречивые, а первый критик, несомненно, змей, предтеча всех остальных и дальний родственник Джорджа Бернарда Шоу.

ЭЛЛЕН. Нет, не могло тогда быть так плохо, чтобы никто не устоял. Я про декламацию в темноту.

ГЕНРИ. Никому не дано.

ЭЛЛЕН. Ты – не исключение?

ГЕНРИ. Я – в первую очередь. Что ты здесь делаешь в такой час?

ЭЛЛЕН. Ищу тебя, разумеется. Ты должен знать, что сейчас все и везде тебя ищут.

ГЕНРИ. И только тебе хватило ума поискать меня в самом

очевидном месте.

ЭЛЛЕН. Только у меня есть свой ключ, за исключением Брэма Стокера, который сейчас занят с прессой и все такое. Генри, я так огорчена этим пожаром.

ГЕНРИ. Да, я тоже. Ничего не осталось. Столько лет непрерывной работы. Все костюмы, все декорации, все погребло в пламени. Огонь забрал все.

ЭЛЛЕН. Не все. Это был всего лишь склад – не театр. У нас остались костюмы и декорации для «Колоколов»⁴. Все могло быть гораздо хуже.

ГЕНРИ. Но как много сгорело. Тридцать лет работы!

ЭЛЛЕН. Генри, пьеса – не постановка. Творения Шекспира никто не сжег. Они по-прежнему с нами. Пьеса – это мы, Генри, ты, я да старина Вилли. И Вилли останется после того, как мы уйдем. Мы всегда сможем построить новые декорации и пошить новые костюмы, если возникнет такая необходимость. Пока будет что, кому и где ставить, зрители будут приходить на это смотреть. Это все, что нам нужно. Ты сам меня так учил. И, если честно, Генри, без некоторых этих старых постановок мы вполне можем обойтись. Так в чем дело? Я никогда в жизни не видела, чтобы у тебя опус-

⁴ «Колокола» – под таким названием в Англии шел перевод пьесы «Польский жид» французских писателей и драматургов Эмиля Эрмана и Александра Шатриана (псевдоним Эрман-Шатрикан), выполненный английским драматургом Леопольдом Дэвисом Льюисом. Генри Ирвинг впервые поставил пьесу в 1871 г., а потом неоднократно возобновлял. В последний раз сыграл в ней перед самой смертью в 1905 г.

кались руки.

ГЕНРИ. «Глобус» сгорел, а через короткое время, как ты знаешь, Шекспир умер.

ЭЛЛЕН. Что ж, с его стороны это проявление крайнего эгоизма. Ну до чего глупым бывал старина Вилли. Я его никогда не пойму. Бог свидетель, у меня хватало проблем с выучиванием его текстов. Но при этом я его люблю. Одна любовь к нему такая переменчивая. Секунда, и иной раз я его уже ненавижу. Та же история с тобой, Генри. Да, Шекспир, случается, раздражает не меньше, чем ты, а это говорит о многом. Чего ты улыбаешься?

ГЕНРИ. Ты выглядела такой красивой, играя перед темной.

ЭЛЛЕН. Есть что-то такое в пустом театре. Определенно жуткое, определенно святое, и при этом определенно возбуждающее.

ГЕНРИ. Возбуждающее?

ЭЛЛЕН. Да. Сексуально возбуждающее.

ГЕНРИ. Ты мне никогда этого не говорила.

ЭЛЛЕН. Я думала, ты и так замечал. Я хочу сказать, в наши юные дни, Генри, у нас с тобой были одно или два довольно занятных любовных свидания в пустых театрах, после того, как все уходили домой. Помнишь?

ГЕНРИ. Да, помню, но я думал, что возбуждающим ты находила меня.

ЭЛЛЕН. Нет, пустой театр.

ГЕНРИ. Ох!

ЭЛЛЕН. Нет, но, разумеется, именно с тобой. Я не стала бы этим заниматься с ночным сторожем.

ГЕНРИ. Рад это слышать.

ЭЛЛЕН. Я помню, как еще ребенком одним поздним вечером меня привели за кулисы мои родители. Думаю, кто-то что-то забыл в гримерной, мне стало скучно...

ГЕНРИ. Не в последний раз.

ЭЛЛЕН. И не в первый, если на то пошло, но мне стало скучно, и я вышла на пустую сцену темного театра, такого же, как этот, стояла, глядя в темноту, и чувствовала, что попала в самый центр вселенной, в самую середину лабиринта в мозгу Создателя, откуда, глядя в темноту, можно увидеть вращающиеся галактики, такие красивые, далекие и холодные, и волосы на загривке... А что такое волосы на загривке? Никогда не понимала и не пойму, что это такое. Но ты, конечно, знаешь, и не говори мне, что нет. Ты всегда все знаешь. Как же ты на самом деле умеешь раздражать, Генри.

ГЕНРИ. Не все.

ЭЛЛЕН. Все, что нужно знать. Это ужасно раздражает. Но, в любом случае, я покрылась мурашками, холод пустых пространств всегда сокрушает меня, это чувство таинственности и завершенности, и впервые в моей жизни мне не захотелось пойти куда-то еще, делать что-то еще. Внезапно и неожиданно я нашла свое место в жизни. Разумеется, со временем ко многому я привыкла, меня начало мутить от то-

го, что приходилось делать, от ужасных людей, с которыми я сталкивалась, нынешняя труппа исключение, и постепенно я забыла об этом чувстве. Театр становился для меня все более обыденным к тому времени, когда мне исполнилось восемнадцать, и оставался таким долгое время, пока я не встретила тебя, Генри. Несмотря на то, что иной раз ты совершенно невыносим и буквально выталкиваешь за грань, после которой безумие, ты знаешь, Генри... Я просто забыла, что собиралась сказать. Это один из моих великих талантов, отвратительная память. Многие не понимают, какое преимущество она дает актрисе, позволяя сразу забывать все неудачи, которые иначе могут стать неподъемной ношей. Если бы я их все помнила, творческие и личные, особенно личные, я думаю... Но в любом случае, Генри, почему ты так много говоришь?

ГЕНРИ. И о чем я, по-твоему, говорил?

ЭЛЛЕН. Надеюсь, о еде. Я умираю с голоду, а на улице снег валит так, словно наступил конец света. Нам действительно надо идти.

ГЕНРИ. Я думал о том дне, когда впервые увидел тебя. Я пришел, чтобы предложить тебе сыграть Офелию. И на мгновение, треща о волосах на загривке, ты вдруг стала той самой, какой я увидел тебя тогда, двадцать лет тому назад. Разумеется, ты не помнишь.

ЭЛЛЕН. Нет, помню. Память у меня избирательная, старческого маразма еще нет. Думаю, я собиралась испечь хлеб... наверняка это был короткий период моего увлечения

домашним хозяйством, потому что хлеб я не ем. Может, хотела испечь его для детей. Но в любом случае... Генри, куда ты пошел?

ГЕНРИ (*идет вглубь сцены, что-то ищет*). Мне показалось, я что-то услышал. Наверное, опять чертовы крысы. Продолжай. Я слушаю. У тебя был период увлечения домашним хозяйством, ты пекла хлеб. (*Исчезает в тених*).

ЭЛЛЕН (*пока говорит, снимает пальто, закатывает рукава, повязывает голову платком, находит большую миску и начинает месить очень большой ком теста. И при этом молодеет*). Да, для детей. Думаю, тогда у меня были дети. Да, разумеется, были. Я жила в том милом небольшом домике с пьяницей-служанкой. Как же ее звали? Друзилла? Прунелла? Генри, на самом деле та встреча не была у нас первой. Думаю, за несколько лет до этого мы где-то играли вместе, хотя помню я это смутно, очень смутно, но в любом случае...

Картина 2

(Теперь это молодая Элен, ведущая отчаянную борьбу с тестом).

ЭЛЛЕН. Святой Боже, какая же это возня, детки. Мы абсолютно уверены, что без хлеба нам никак не обойтись? Может, мы ограничимся яблоками? Не понимаю, чего вам вообще захотелось хлеба? Я хочу сказать, ну что в нем хорошего? Тедди? Эди? Вы здесь? *(Из глубины сцены появляется ГЕНРИ. Он на двадцать лет моложе, одет элегантно, с тростью, в шляпе, в некотором недоумении смотрит на нее).* Конечно же, их нет, Элен, они поехали к бабушке, с чего ты решила, что они здесь, глупая девочка? Ну какая же ты глупая.

ГЕНРИ. Миссис Терри?

ЭЛЛЕН *(вздрагивает)*. А-а-а-а-а! *(Едва не роняет тесто на пол, подхватывает в последний момент)*. Ой, привет!

ГЕНРИ. Я позволил себе войти без приглашения. Никого не было, дверь я нашел распахнутой...

ЭЛЛЕН. Все нормально. Служанка, вероятно, по выпить и забыла закрыть за собой дверь. Это у нас обычное дело. Мне все говорят, что я должна ее выгнать, потому что она глупа, как пробка, и мне приходится все за ней переделывать, а еще она постоянно икает. Но я не знаю, что с ней будет, если я ее

выгоню, а теперь у меня серьезные подозрения, что дворецкий из соседнего дома обрюхатил ее. Но вас, разумеется, все это совершенно не волнует, так?

ГЕНРИ. В общем-то, да, я...

ЭЛЛЕН. Я знаю, кто вы. И очень рада увидеть вас вновь. С удовольствием пожала бы вам руку, но мои в тесте. Я понимаю, выгляжу я так, словно пытаюсь укротить дикого зверя, но на самом деле хочу спечь хлеб. Не выглядит это как каравай, правда?

ГЕНРИ. Да, сходства не просматривается.

ЭЛЛЕН. Не желаете присесть?

ГЕНРИ. Надеюсь, вы меня извините, миссис Терри, но я... э... пришел с собакой.

ЭЛЛЕН. С собакой?

ГЕНРИ. Да. Видите ли, сейчас в моих комнатах прибираются, и женщина, которая это делает, по какой-то необъяснимой причине до смерти боится моей собаки, хотя, уверяю вас, она совершенно безобидная, и кричит как резаная на каком-то восточноевропейском языке, совершенно мне незнакомом, это я про женщину, когда собака находится поблизости, вот мне и пришлось в последний момент, чтобы не опоздать на нашу встречу и не создавать у соседей впечатления, что я убиваю бедную иммигрантку, взять несчастное существо с собой и привести сюда. Собаку.

ЭЛЛЕН. Я не вижу собаку.

ГЕНРИ. Я оставил песика в прихожей. Надеюсь, вы не

против?

ЭЛЛЕН. Я рада присутствию собаки в моей прихожей, как и вашему приходу.

ГЕНРИ. Вы очень добры.

ЭЛЛЕН. Я люблю собак. Раньше у меня был осел. *(Пауза)*. Хотите чаю?

ГЕНРИ. Нет, благодарю.

ЭЛЛЕН. Я бы предложила вам хлеба, но, боюсь, он еще не готов. И мне кажется, с тестом что-то не так.

ГЕНРИ. Миссис Терри, я слышал о вас нечто экстраординарное. От нескольких человек.

ЭЛЛЕН *(с легкой тревогой)*. Да?

ГЕНРИ. Я про вашу игру на сцене, разумеется.

ЭЛЛЕН. Это хорошо.

ГЕНРИ. Должен признаться, сам я вас на сцене не видел, но люди, чьим мнением я весьма дорожу, говорили мне, что вы стали вполне достойной актрисой.

ЭЛЛЕН. Как мило. Вы так не думали, когда мы в последний раз работали вместе.

ГЕНРИ. А мы работали вместе?

ЭЛЛЕН. Некоторое время тому назад.

ГЕНРИ. Да, вроде бы, да. Но я плохо помню.

ЭЛЛЕН. Вероятно, я не произвела должного впечатления.

ГЕНРИ. Видите ли, я лишь хотел сказать...

(За сценой воеет собака, отчаянно и безнадежно, прямо-таки собака Баскервилей, только раз, но громко и про-

должительно, не позволяя этот вой игнорировать. ГЕНРИ передергивает. ЭЛЛЕН улыбается).

ЭЛЛЕН. Все нормально. Должна признаться, если честно, вы тоже не произвели на меня особого впечатления. Я про вашу игру, разумеется.

(Пауза).

ГЕНРИ. Гм-м-м. *(Пауза)*. Как вы знаете, недавно я порвал все отношения с миссис Бейтман⁵ и ее дочерьми.

ЭЛЛЕН. Вы, конечно же, остаетесь друзьями.

ГЕНРИ. Не совсем. Но в любом случае, отныне я самостоятельно руковожу театром «Лицеум».

(Собака воет вновь, громче).

ЭЛЛЕН. Как я понимаю, это серьезная ответственность.

ГЕНРИ. Мы открываем сезон новой постановкой «Гамлета»

ЭЛЛЕН. Я слышала, это одна из лучших ваших ролей.

ГЕНРИ. Мне так говорили.

ЭЛЛЕН. К сожалению, вынуждена признать, что я вас в этой роли не видела.

(Пауза).

ГЕНРИ. Гм-м-м. Миссис Терри, поскольку в силу обстоятельств я внезапно остался без ведущей актрисы, которая могла бы исполнить роль Офелии, а вас более-менее лестно

⁵ Сидни Френсис Бейтман/Sidney Frances Bateman (1823-1881) – актриса, драматург, как бы теперь сказали, театральный менеджер. Руководила театром «Лицеум» до 1878 г. Три ее дочери играли на сцене. Все четверо запечатлены на портрете кисти Томаса Джозефа Бэнкса/Thomas Joseph Banks (ок.1860).

рекомендовали...

(Опять собачий вой, еще более громкий и отчаянный, словно из глубин ада).

ЭЛЛЕН. Вы полагаете, ваш песик хочет войти?

ГЕНРИ. Войти? Сюда?

ЭЛЛЕН. Да.

ГЕНРИ. В эту комнату?

ЭЛЛЕН. Наверное, в прихожей ему очень одиноко. И жарко. Там жарко, правда?

ГЕНРИ. Да, довольно-таки.

ЭЛЛЕН. Вы можете позволить ему зайти, если хотите. Все нормально. Я люблю собак. Но я это говорила, так? Говорила?

ГЕНРИ. Да. Однажды у вас был осел.

ЭЛЛЕН. Неужели?

ГЕНРИ. Да, был. Во всяком случае, вы так сказали. Я пойду за собакой. Извините.

ЭЛЛЕН. Конечно.

(ГЕНРИ уходит вглубь сцены. ЭЛЛЕН ищет, куда бы положить ком теста, который все это время держала в руках).

ГЕНРИ *(за сценой)*. Господи!

ЭЛЛЕН. Что-то случилось, мистер Ирвинг?

ГЕНРИ *(возвращается, на лице огорчение)*. Прошу меня извинить, что позволил себе в вашем присутствии упомянуть все имя Господа...

ЭЛЛЕН. Ваш песик заболел?

ГЕНРИ. Вроде бы нет.

ЭЛЛЕН. С ним что-то случилось? Скажите мне, мистер Ирвинг. Я терпеть не могу неопределенности.

ГЕНРИ. Знаете, это довольно сложно объяснить.

ЭЛЛЕН. Какая-то сложная проблема, связанная с вашей собакой?

ГЕНРИ. Миссис Терри, как вы считаете, вашу служанку можно вызвать из того места, куда она...

ЭЛЛЕН. Мистер Ирвинг, что случилось?

ГЕНРИ. Я не мог не обратить внимание на ковер в вашей прихожей.

ЭЛЛЕН. Да, очень красивый. Персидский, знаете ли.

ГЕНРИ. Да, я так и подумал. Миссис Терри, позвольте говорить с вами откровенно?

ЭЛЛЕН. Мне бы очень этого хотелось.

ГЕНРИ. Боюсь, что мой песик, это крайне неудачно, но, боюсь, к моему огромному сожалению...

ЭЛЛЕН (*ей надоело ждать объяснений и она сама идет в прихожую*). Какой милый песик. Очень, очень милый. Да, что этот хорошенький малыш... (*Пауза*). Боже!

ГЕНРИ. Я сожалею.

ЭЛЛЕН. Я тоже. Какой же ты безобразник. Плохой мальчик, очень плохой.

ГЕНРИ (*когда она возвращается*). Если у вас найдутся какие-нибудь приспособления для чистки...

ЭЛЛЕН. Не хватало еще разговоров, что такой великий актер, как вы, пришли в мой дом в воскресенье, чтобы отчищать мой ковер.

ГЕНРИ. Но это моя собака. И я несу ответственность. Мне это так неприятно. Очень неприятно.

ЭЛЛЕН. Мой дорогой мистер Ирвинг, пусть вас не мучает совесть. Ведь не вы лично испачкали мой дорогой персидский ковер. Будь это ваша работа, я бы, конечно, возложила ответственность на вас, но речь идет о вашем песике, а его, в конце концов, можно понять.

ГЕНРИ. Спасибо.

ЭЛЛЕН. Не за что.

ГЕНРИ. Может, я все-таки попытаюсь...

ЭЛЛЕН. Прежде чем мы начнем ликвидировать последствия этого прискорбного деяния собаки, может, нам обсудить наши дела? Вы понимаете, песик уже сделал все, что мог, а мы еще даже не начинали... Ой, какой-то глупый получается разговор, правда?

(ЭЛЛЕН начинает смеяться, да так заразительно, что ГЕНРИ присоединяется к ней. Но быстро вновь становится серьезным).

ГЕНРИ. Вы хотите сыграть Офелия в новой постановке?

ЭЛЛЕН. Я думала, вы так и не спросите.

ГЕНРИ. Слава Богу. Я позабочусь о том, чтобы ваш ковер вычистили немедленно, и оплачу все расходы, хотя, сегодня воскресенье и могут возникнуть определенные трудности с

поиском. . .

ЭЛЛЕН. Я думаю, что мы сумеем справиться сами, если проявим должное усердие и напряжем воображение.

ГЕНРИ. Согласен с вами.

ЭЛЛЕН. Я в этом не сомневаюсь. Ведь мы творческие люди, так?

ГЕНРИ. Так мы достигли взаимопонимания?

ЭЛЛЕН. Да. *(Протягивает руку, ГЕНРИ ее пожимает и получает пригоршню теста)*. Ой, извините. Он такой маленький, ваш песик.

ГЕНРИ. Да, он маленький. Остается вопрос вашей оплаты. За исполнение роли Офелии.

ЭЛЛЕН. Я уверена, вы заплатите мне, сколько я заслуживаю, мистер Ирвинг. И я обещаю не держать зла на вашего песика. Я очень, очень люблю животных. Прощаю им все. Это одна из самых больших моих слабостей. Избыточная нежность, актерский голос. Вы тоже, полагаю.

ГЕНРИ. Простите?

ЭЛЛЕН. У вас есть аналогичные слабости?

ГЕНРИ. Нет. Я не могу позволить себе слабость.

(Пауза).

ЭЛЛЕН. О? Как же вам, должно быть, грустно. Но у вас есть собака. Я хочу сказать, человеку, который заводит собаку, свойственна хоть какая-то слабость. Собаку заводят только ради любви. Для чего еще?

ГЕНРИ. Да, что ж, миссис Терри, жизнь полна маленьких

загадок, так?

ЭЛЛЕН. Да, да, это точно. *(Они смотрят друг на друга)*. Значит так. Вроде бы у меня где-то есть старая ложка для подливы. Как думаете, для этого подойдет? Дома у нас были разные животные, так что приходилось сталкиваться со всякими проблемами, но, боюсь, грязную работу я всегда оставляла на Фреда⁶, моего брата. Вы знаете Фредди? Он такой душка. Всегда делает то, что я от него хочу. Иногда я даже тревожусь за него. Постоянно находиться среди всех этих актрис. Они его просто зашпыняют.

(ЭЛЛЕН говорит и ходит в поисках нужной кухонной принадлежности, а Генри снимает пиджак и достает блокнот, поэтому, когда она скрывается в тених, он уже готов обратиться к своей труппе, собравшейся в театре «Лицеум». Нет ни затемнения, ни паузы. ЭЛЛЕН появится в конце выступления ГЕНРИ, избавившись и от теста, и от фартука).

⁶ Фред Терри/Fred Terry (1863-1933) – самый младший из многочисленных детей Бенджамина и Сары Терри, известный актер и театральный менеджер.

Картина 3

(ГЕНРИ обращается к труппе, после репетиции).

ГЕНРИ. Итак. Что еще? Я хочу, чтобы могильщик старался не переигрывать. Мы должны устоять перед искушением уподобиться старому Йорику. Могильщик – парень забавный, и даже тонкий, по-своему, но он не придворный шут, он роет ямы для мертвых, и этим настраивается на философский лад, и вот это как раз забавно, сочетание его достаточно жуткой профессии со склонностью пофилософствовать. Юмор тут произрастает изнутри, привносить его дополнительно нет нужды. Думаю, будет полезным, если королева откажется от попыток наступить на ногу Гамлета, когда она грациозно спрыгивает с кровати. Мне нужна эта нога для поединка на шпагах, дорогая. Гм-м-м. Думаю, Розенкранц может обойтись без дополнительной прокладки в трико. Выглядит непристойно, сынок, и отвлекает внимание женщин от Гамлета, а мы не можем такого позволить, правда? Лаэрт, тебе необходима дополнительная практика. Я про поединок на шпагах. Я, разумеется, мечтаю умереть на сцене, но, думаю, время еще не пришло. И кровь у нас по-прежнему выглядит, как блевотина. Какая-то комковатая. Неужели нельзя с этим что-то сделать? Клавдий, не старайся превратить каждую реплику в объявление для всего города. Не должно

складываться впечатление, будто ты постоянно кричишь в чью-то слуховую трубку. Среди зрителей глухих нет, во всяком случае, нет, когда они приходят сюда. Я на это надеюсь. Полоний, постарайся не уснуть, пока я говорю. Это важно. послужи примером для зрителей. В общем, получилось на удивление хорошо, и я уже боюсь, что мы выдадим отличное шоу. Завтра генеральная репетиция. Приходите хорошо отдохнувшими. Думаю, на этом все. Благодарю.

(Смотрит в блокнот, что-то записывает, глубоко задумывается. ЭЛЛЕН, которая слушала вместе с остальными, теперь неуверенно подходит к нему).

ЭЛЛЕН. Мистер Ирвинг?

ГЕНРИ. Один момент. *(Еще что-то записывает, отрывается от блокнота).* Да, миссис Терри?

ЭЛЛЕН. Позвольте поговорить с вами? Минуточку – не больше.

ГЕНРИ *(достает карманные часы, смотрит на циферблат)*. Разумеется, миссис Терри. Слушаю вас.

ЭЛЛЕН. Мистер Ирвинг, я не собираюсь ставить под сомнение вашу режиссуру, но завтра у нас генеральная репетиция, а мы с вами ни разу не репетировали ни одну из сцен, в которых играем вместе.

ГЕНРИ. Да? *(Пауза. Она смотрит на него)*. И вас это тревожит?

ЭЛЛЕН. Если на то пошло – да. Я хочу сказать, вы играете Гамлета, я играю Офелию, наши персонажи тесно связаны,

несколько сцен мы играем вместе, и все они важные, поэтому не будет ничего плохого, если мы отрепетируем хотя бы одну или две, раз или два, до премьеры.

ГЕНРИ. Не беспокойтесь, миссис Терри. Все у вас получится.

ЭЛЛЕН. Мне трудно поверить, что все у меня получится в любой пьесе, которую я не репетировала. Вы репетируете со всеми. Другие сцены вы повторяете снова и снова, добиваясь своего. Собственно, требуете такой точности, уделяете столько внимания мельчайшим деталям, что это выводит из себя, и несколько раз я едва удерживалась, чтобы не закричать от раздражения. А со мной вы не репетировали вовсе.

ГЕНРИ. Да перестаньте. Вы уже играли эту роль?

ЭЛЛЕН. Не с вами.

ГЕНРИ. И текст вы знаете?

ЭЛЛЕН. Разумеется, текст я знаю.

ГЕНРИ. Заверяю вас, я буду произносить те же слова, что и другие Гамлеты, и делать то же самое, разве что получше многих. Поэтому представьте себе, что вы играете Офелию, как играли всегда, только с самым лучшим Гамлетом, и все будет отлично. А теперь, прошу меня извинить... *(Поворачивается, чтобы уйти)*.

ЭЛЛЕН. Но, мистер Ирвинг...

ГЕНРИ. Да? Что еще? У меня дела, миссис Терри. В отличие от вас, я не только играю на сцене. Я еще и режиссер, и руководитель этого театра.

ЭЛЛЕН. Да, я знаю, и не хочу выглядеть паникершей, честное слово, не хочу, но вы действительно думаете, что у нас получится хорошая постановка, если мы с вами не будем работать вместе?

ГЕНРИ. Миссис Терри, мы не работаем вместе. Я – режиссер пьесы, а вы играете Офелию. У нас разделение интеллектуального труда. Вы не пытаетесь примерять на себя обязанности режиссера, я не пытаюсь изображать Офелию, и в этом случае все получится, как нельзя лучше. Заверяю вас, как только поднимется занавес, вы увидите стоящего перед вами Гамлета, и если знаете текст, бояться вам абсолютно нечего, это я вам обещаю. Все остальное предоставьте мне. *(Снова пытается уйти)*.

ЭЛЛЕН. Но мистер Ирвинг... Мистер Ирвинг...

ГЕНРИ. Я надеюсь, миссис Терри, что вы не из тех злополучных актрис, которые становятся все более истеричными с приближением премьеры. Исходя из отзывов о ваших прежних выступлениях, я полагал, что вы совершенно не такая.

ЭЛЛЕН. Я не становлюсь все более истеричной, мистер Ирвинг, но я все больше тревожусь, что у меня не получится. Возможно, я не привыкла выступать с таким актером, как вы, но мне необходимо репетировать, чтобы почувствовать уверенность в себе. И я не думаю, что это чрезмерное требование. С другими вы репетируете, как сержант муштрует новобранцев. Вы с ними безжалостны. Абсолютно безжалостны. А я лишь сижу и наблюдаю, день за днем. В моих сценах

с другими вы говорите с ними, но не со мной. Вы с каждым беседуете лично, но не со мной. Я этого не понимаю, мне это не нравится, и мне очень хочется, чтобы вы...

ГЕНРИ. Миссис Терри, если вы не чувствуете уверенности в себе, никакие разговоры не помогут. Уверенность идет изнутри. Я не могу вселить в вас уверенность. Я буду ставить пьесу, как считаю нужным, а вы будете выполнять свою работу, за которую я плачу вам немалые деньги. А теперь прошу меня извинить. *(Уходит)*.

ЭЛЛЕН *(в ярости, раздражении, подходит к самому краю авансцены, которая становится, когда она заканчивает монолог, мостом Ватерлоо)*. Какой же он напыщенный, самодовольный, холодный, тщеславный, непробиваемый, отвратительный монстр. С ним совершенно невозможно иметь дело. Холодный, как ночь, в которой я иду. Холодный, как туман на мосту. Холодный, как вода далеко внизу. Холодный, как комок на дне души, когда спектакль заканчивается, а ты не можешь смотреть в лицо зрителям или другим актерам, потому что знаешь – ты провалилась. Не просто не дотянула в каких-то сценах, а провалила все, что только можно, показала полнейшей бездарностью на глазах сотен зрителей, и этот позор останется с тобой навсегда, не закончится с завершением этого спектакля. Самый страшный, самый жуткий холод – это холод закулисья, который ты испытываешь, не справившись с ролью, не оправдав доверия, подведя всех остальных. Нет тебе прощенья, и не остается ничего иного,

как бежать в туман и темноту, чтобы там сгинуть.

Картина 4

(Ночь. Мост Ватерлоо. ЭЛЛЕН стоит на краю авансцены, ее трясет, она смотрит на черную воду далеко внизу. ГЕНРИ приближается из глубины сцены, в плаще, выглядит, как Шерлок Холмс).

ГЕНРИ. Миссис Терри?

ЭЛЛЕН *(вздрагивает)*. Ох.

(Теряет равновесие, чуть не падает, но ГЕНРИ на удивление проворно подсакивает к ней, хватая и оттаскивает от края).

ГЕНРИ. Осторожнее, миссис Терри. Вы могли упасть, а вода, боюсь, ужасно холодная.

ЭЛЛЕН. Все у меня хорошо, благодарю вас. *(Вырывается из его рук)*. Что вы здесь делаете?

ГЕНРИ. Я как раз собирался задать вам этот вопрос.

ЭЛЛЕН. Но я не выслеживала вас, мистер Ирвинг. Это вы, похоже, выследили меня.

ГЕНРИ. Ваша перепуганная костюмерша сообщила мне, что вы покинули театр после последней сцены. Я встревожился, когда не увидел вас на поклонах и, естественно, навел справки. Швейцар казал, что вы в крайне расстроенных чувствах выбежали из театра в ночь и к реке.

ЭЛЛЕН. Это мое дело, мистер Ирвинг – не ваше.

ГЕНРИ. Наоборот, это очень даже мое дело, потому что я поступил опрометчиво, подписав вас на целый сезон и ожидая, что вы будете выходить на поклонны. Манкировать этим – непростительная грубость по отношению к зрителям и другим актерам, и я такого просто не допущу.

ЭЛЛЕН. Я думала, все будут счастливы, если меня там не будет.

ГЕНРИ. Это еще почему?

ЭЛЛЕН. Пожалуйста, мистер Ирвинг. Не пытайтесь сочувствовать. Вам это совершенно не к лицу.

ГЕНРИ. Я не пытаюсь сочувствовать. Я пытаюсь понять, о чем вы, черт побери, говорите. Я в полнейшем недоумении от вашего поведения. Если у вас какая-то личная проблема, это дело сугубо ваше, но если ваши проблемы, личные или какие-то еще, влияют на вашу работу в моем театре, они становятся и моими проблемами. Я не потерплю в труппе неуравновешенную молодую актрису, которая причиняет урон нашей репутации. А теперь будьте любезны объяснить, что вы делаете на мосту Ватерлоо глубокой ночью и в такой туман? Почему замерзаете здесь в одиночестве вместо того, чтобы выходить на поклонны, как положено ответственному актеру? Или актрисе.

ЭЛЛЕН. Я удивлена, что актеров вызывали на поклонны. Но если вызывали, то лишь вас. Меня точно вызывать не могли.

ГЕНРИ. Ложная скромность, миссис Терри, это чистое

кривляние.

ЭЛЛЕН. Не смейте меня поучать!

ГЕНРИ. Миссис Терри, вы сходите с ума?

ЭЛЛЕН. Почему вам не сказать это прямо? Я играла ужасно. Ужасно до безобразия. Столь ужасно, что отныне ноги моей не будет на сцене. Возможно, нигде моей ноги не будет. Нет у меня уверенности, что после этого спектакля я хочу жить.

ГЕНРИ. Пожалуйста, давайте оставим мелодраму для театра, где ей самое место. В личной жизни я стараюсь обходиться без нее.

ЭЛЛЕН. Не знала, что у вас есть личная жизнь.

ГЕНРИ. Простите?

ЭЛЛЕН. Вы хоть представляете себе, что мне пришлось вынести в эти последние недели? Вы, несомненно, самый холодный, самый жестокий, самый злобный, самый бесчеловечный, тщеславный, слепой монстр эгоистичности и высокомерия, с которым меня когда-либо сводила жизнь. Ваши вызывающие отвращение проявления самодовольства, полнейшее пренебрежение к окружающим вас людям, ужасающее безразличие к чувствам других... Я просто не понимаю, как Господь Бог в своей безграничной мудрости мог позволить такому, как вы, шагать по этой планете. Вы – отвратительное, жуткое, отталкивающее чудовище, и я бросилась бы в реку прямо сейчас, да только не хочется мне, чтобы вы получили удовольствие, наблюдая, как я тону.

ГЕНРИ. Я уже думаю, что это наилучший вариант. Так, вероятно, и положено играть Офелию: сначала сцена безумия, потом прыжок в воду ласточкой. Одно за другим, вы понимаете?

ЭЛЛЕН. Как вы можете стоять здесь, так спокойно и невозмутимо, и насмехаться надо мной, прекрасно понимая, что я на грани самоубийства?

ГЕНРИ. Миссис Терри, если бы я поверил, что вы действительно расстроены чем-либо, содеянным мной...

ЭЛЛЕН. А что я, по-вашему, делаю? Играю?

ГЕНРИ. Я определенно на это надеюсь.

ЭЛЛЕН. Я готова броситься в Темзу, а вы думаете, что я играю?

ГЕНРИ. Если так, то переигрываете, самую малость. Я бы предложил немного себя сдерживать, копить энергию для отдельных ключевых моментов, а вот там выплескивать ее без остатка. Так лучше, чем постоянно играть на надрыве, что крайне изматывает и актера, и зрителей. Ключ к достижению максимального эффекта воздействия – в подготовке. Или, другими словами... *(ЭЛЛЕН поднимает руку, сдерживает с ГЕНРИ шляпу, бросает на землю, топчет ее и уходит. Пауза)*. Какая она забавная. А не получится ли из нее леди Макбет? Гм-м-м-м. *(Поднимает шляпу, смотрит на нее)*. Пожалуй, это дельная мысль. *(Уходит вслед за ЭЛЛЕН)*.

Картина 5

(Едва ГЕНРИ уходит, ЭЛЛЕН вылетает из глубины сцены, которая служит прихожей. Мы вновь в ее квартире. ЭЛЛЕН вся кипит).

ЭЛЛЕН. Невозможный человек. Отвратительный. Почему я должна подвергать себя этой бесконечной череде бессмысленных унижений? Я же могу уйти со сцены! Почему я должна играть? Есть много чего, чем я могу заняться. Я могу снова выйти замуж. Господи, нет, только не это. А кроме того, думаю, я по-прежнему замужем, во всяком случае, на бумаге. Надо это проверить. Да, конечно же, замужем. Ну до чего он ужасен! *(Убедительно копирует ГЕНРИ)*. Сначала сцена безумия, потом прыжок в воду ласточкой. *(В ярости расхаживает взад-вперед, не замечая ГЕНРИ, который наблюдает за ней из прихожей – в глубине сцены)*. Этот надменный троглодит. Мне следовало столкнуть его в реку. Моя сцена безумия, его прыжок в воду ласточкой. Высшая справедливость. Он бы это оценил. Да, кем, черт побери, он себя...

ГЕНРИ. Миссис Терри?

ЭЛЛЕН *(вновь вздрагивает от испуга)*. А-а-а-а-а! Господи, обязательно вам подкрадываться ко мне, как гигантско-му тарантулу? Вы пытаетесь напугать меня до смерти? Да вы

крадетесь лучше моего кота. Может, вам пора уйти из театра и переключиться на ловлю мышей? Какого черта вы здесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.